

181	0153-01	КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ	"Песни безумные"	Часть 1 "Чувства"
182	0153-02	КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ	"Песни безумные"	Часть 2 "Не пропавшие дни"

Сторона 1 – 18.34

Сторона 2 - 16.54

1. Ходит ветер	– 1.32	1(12). Голубка	– 0.58
2. Колокола	– 1.10	2(13). День пройдёт	– 1.25
3. Сказка	– 1.57	3(14). Светильник	– 2.23
4. Спелая песня	– 1.50	4(15). Зачем?	– 1.20
5. Лунный луч	– 1.53	5(16). Лодка	– 1.35
6. Чувства	– 2.30	6(17). За то	– 1.45
7. Добрая земля	– 1.46	7(18). Пой	– 1.46
8. Тени	– 1.12	8(19). Печаль	– 2.50
9. О, заслони	– 1.53	9(20). Осенний мотив	– 2.52
10. Ночь	- 1.28		
11. Песня бури	– 1.23		

Общее время звучания – 35.28

Сторона 1(3) – 17.58

Сторона 2(4) – 16.36

1(21). Музыканты	– 1.48	1(30). Сомнение	– 1.21
2(22). Цыганка	– 1.33	2(31). Чудесный сон	– 1.47
3(23). Шарманщик	– 2.06	3(32). Клятва	– 3.06
4(24). Песни безумные	– 2.14	4(33). Нет сомненья	– 2.13
5(25). Безвременье	– 2.32	5(34). Будущим могиканам	– 1.44
6(26). Вечный свет	– 1.37	6(35). К Богу	– 2.33
7(27). Не пропавшие дни	– 2.34	7(36). Молитва	– 3.52
8(28). Кладбищенские цветы	– 1.38		
9(29). Призвание	– 1.56		

Общее время звучания – 34.34

СТОРОНА 1

ХОДИТ ВЕТЕР

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белогрудые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы сует,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
 Воет жалким воем
 На соборные часы
 С их печальным боем:

Много близких голосов
 Слышно в песнях ваших,
 Сказок муромских лесов,
 Песен дедов наших!

Ходит ветер избочась
 Вдоль Невы широкой,
 Снегом стелет калачи
 Бабы кривобокой.

КОЛОКОЛА

В чудесный день высь неба голубая
 Была светла;
 Звучали с церкви, башню потрясая,
 Колокола.

И что ни звук, то новые виденья
 Бесплотных сил...
 Они свершали на землю сходясь
 Поверх перил.

Они, к земле спустившись, отдыхали
 Вблизи, вдали...
 И незаметно, тихо погасали
 В тенях земли...

И я не знал под обаяньем звона:
 Что звук, что свет?
 Для многих чувств нет меры, нет закона
 И прозвищ нет!..

СКАЗКА

По крутым по бокам вороного
 Месяц блещет, всю озарил!
 Конь! Поведай мне доброе слово!
 В сказках конь с седоком говорил!

Ох, и лес-то велик и спокоен!
 Ох, и ночь-то глубоко синя!
 Да и я безмятежно настроен...
 Конь, голубчик! Побалуй меня!

Ты скажи, что за девицей едем;
 Что она прикрываясь фатой,
 Ждет... глаза проглядит... Нет! Мы бредим,
 И никто-то не ждет нас с тобой!

Конь не молвит мне доброго слова!
 Это сказка, чтоб конь говорил!
 Но зачем же бока вороного
 Месяц блеском таким озарил?

СПЕТАЯ ПЕСНЯ

Пой о ней, голубушка певунья,
 Пойте, струны, ей в ответ звеня!
 Улетай, родившаяся песня,
 Вслед за светом гаснущего дня!

Ты лети созданием темной ночи,
 В полутьме, предшествующей ей,
 За последним проблеском заката,
 Впереди стремящихся теней...

Может быть, что между днем и ночью,
 Не во сне, но у пределов сна,
 По пути молитв, идущих к богу,
 Скорбь земли за далью не слышна!

Может быть, что там, далеко, где-то,
 В мирный час, когда бессонный спит,
 Гаснет память, не влекут желанья,
 Спит любовь и ненависть молчит, -

Ты найдешь покой неизъяснимый,
 Жизни, смерти и себе чужда!..
 И земля к своей поблекшей груди
 Не сманит беглянки никогда!..

ЛУННЫЙ ЛУЧ

Светлой искоркой в окошко
 Месяц к девушке глядит...
 «Отвори окно немножко», -
 Месяц тихо говорит.

«Дай прилечь вдоль белых складок
 Гостю, лунному лучу,
 Верь мне, все придет в порядок,
 Чуть над сердцем посвечу!

Успокою все сомненья,
 Всю печаль заговорю,
 Все мечты, все помышленья,
 Даже сны посеребряю!

Что увижу, что замечу,
 Я и звездам не шепну,
 И вернусь к заре навстречу,
 Побледневши, на луну...»

ЧУВСТВА

Шли путем неведомым...
 Шли тропинкой скрытою,
 Бог весть кем проложенной
 И почти забытою!..

В сердце человеческого
 Есть обетованные
 Тропочки закрытые,
 Вовсе безымянные!

Под ветвями темными
 Издавна проложены,
 Без пути протоптаны,
 Без толку размножены...

И по ним-то крадутся,
 По глубокой темени,
 Чувства непонятные
 Без роду, без племени...

Чувства безымянные,
 Сироты бездомные,
 Робкие, пугливые,
 Иногда нескромные...

ДОБРАЯ ЗЕМЛЯ

Снежную степью лежала душа одинокая,
 Только порою заря в ней румянец рождала,
 Только безмолвная лунная ночь синеокая
 Отблеском жизни безмолвную степь наводняла!

Чует земля: степь в угрюмом молчании мается.
 Дай-ка, подумала, тихо дохну я туманами...
 Доброю стала земля! Ось к весне наклоняется,
 Степь обнажилась и вся расцветилась тюльпанами!

Так ли, не так, наяву иль во сне быстротающем,
 В сказке, не в сказке, но некою злой ворожбою
 Ты наклонилась ко мне своим взглядом блистающим...
 Дрогнула степь, я цвету, я алею тобою...

ТЕНИ

Весла спустив, мы катались, мечтая,
 Сонной рекою по воле челна;
 Наши подвижные тени, качая,
 Спать собираясь, дробила волна.

Тени росли, удлиняясь к востоку,
 Вышли на берег, на пашни, на лес –
 И затерялись, незримые оку,

Где-то, должно быть, за краем небес...

Тени! Спасибо за то, что пропали!
Много бы вас разглядело людей;
Слишком бы много они увидали
В трепетных очерках этих теней...

О, ЗАСЛОНИ

Когда, приветливо и весело ласкаясь,
Глазами, полными небесного огня,
Ты, милая моя, головкой наклоняясь,
Глядишь на дремлющего в забытии меня;

Струи младенческого, свежего дыханья
Лицо горячее мне нежно холодят,
И сквозь виденья сна и в шепоте молчанья
Сердца в обоих нас так медленно стучат, -

О, заслони, закрой головкою твою
Весь мир, прошедшее, смысл завтрашнего дня,
Мечту и мысль... О, заслони ты ею
Меня, мой друг, от самого меня...

НОЧЬ

Ночь. Темно. Глаза открыты,
И не видят, но глядят;
Слышу, жаркие ланиты
Тонким бархатом скользят,
Мягкий волос, набегая,
На лице моем лежит,
Грудь, тревожная, нагая,
У груди моей дрожит.
Недошептанные речи,
Замиранье жадных рук,
Холодеющие плечи...
И часов тяжелый стук.

ПЕСНЯ БУРИ

Я ласкаю тебя, как ласкается бор
Шумной бурей, в темень одетой!
Налетает она, покидая простор,
На устах своих с песней запетой.

Песня бури сильна! Чуть в листву залетит –
Жизнь лесную до недр потрясает,
Рвет умершую ветвь, блеклый лист не щадит,
Всё отжившее наземь кидает...

И ты бурю за песню ее не кори,
Нет в ней злобы, любви к разрушенью:
Очищает прогалины краскам зари

И простор соловьиному пенью...

ГОЛУБКА

Ярко вспыхивают розы,
Раскрываясь по кустам,
И горят в лучах полудня,
Пламенея тут и там.

Отцветут они, погаснут
Быстро, вслед одна другой,
Осыпая лепестками
Куст колючий, но родной...

Я ревнив, моя голубка!
Верь, не быть тебе ничьей:
На груди моей цвела ты
И осыплешься на ней!

ДЕНЬ ПРОЙДЕТ

Ты нежней голубки белокрылой,
Ты – рубин блестящий, огневой!
Бедный дух мой, столько лет унылый,
Краской жизни рдеет над тобой.

В тихом свете кроткого сиянья,
Давних дней в прозрачной глубине
Возникают снова очертанья
Прежних чувств, роившихся во мне.

Можно ль верить – верить им не смеет! –
Будто этот наших чувств расцвет –
Будет день – пройдет и побледнеет,
Погрузившись в мертвый холод лет...

СВЕТИЛЬНИК

В душе шел светлый пир. В одеждах золотых
Виднелись на пиру: желанья, грезы, ласки;
Струился разговор, слагался звучный стих,
И пенился бокал, и сочинялись сказки.

Когда спускалась ночь, на пир являлся он,
Туманились огни, виденья налетали,
И сладкий шепот шел, и несся тихий звон
Из очень светлых стран, и из далекой дали...

Теперь совсем не то. Под складками одежд,
Не двигая ничуть своих погасших ликов,
Виднеются в душе лишь остовы надежд!
Нет песен, смеха нет и нет заздравных кликов.

И дремлющий чертог по всем частям сквозит,

И только кое-где, под тяжким слоем пыли,
Светильник тлеющий дымится и коптит,
Прося, чтоб и его скорее погасили...

ЗАЧЕМ?

Ты любишь его всей душою,
И вам так легко, так светло...
Зачем же упрямством порою
Свое ты туманишь чело?

Зачем беспричинно, всечасно
Ты радости портишь сама
И доброе сердце напрасно
Смущаешь злорадством ума?

Довольствуйся тем, что возможно!
Поверь: вам довольно всего,
Чтоб, тихо живя, нетревожно,
Не ждать, не желать ничего...

ЛОДКА

Качается лодка на цепи,
Привязана крепко она,
Чуть движет на привязи ветер,
Чуть слышно колышет волна.

Ох, хочется лодке на волю,
На волю, в неведомый путь,
И свернутый парус расправить,
И выставить на ветер грудь!

Но цепь и крепка, и не ржава,
И если судьба повелит
Поплыть, то не цепь оборвется,
А треснувший борт отлетит.

ЗА ТО

За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А может быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, от бедной жизни брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам дать;

За то, что с детских лет в вас жажда идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,
Путем раздумия и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомневались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались, -
Обманутая жизнь не даст вам ничего!

ПОЙ

Соловья живые трели
 В светлой полночи гремят,
 В чувствах – будто акварели
 Прежних, светлых дней скользят!

Ряд свиданий, ряд прощаний,
 Ряд божественных ночей,
 Чудных ласк, живых лобзаний...
 Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Греми волнами трелей!
 Может быть, назло уму,
 Эти грезы акварелей
 Я за правду вдруг приму!

Пой! Теперь еще так рано,
 Полночь только что прошла,
 И сейчас из-за тумана –
 Вот сейчас – она звала...

ПЕЧАЛЬ

Горит, горит без копоти и дыма
 И всюду сыплется по осени листва...
 Зачем, печаль, ты так неодолима,
 Так жаждешь вылиться и в звуки, и в слова?

Ты мне свята, моя печаль родная, -
 Не тем свята ты мне, что ты – печаль моя;
 Тебя порою в песне оглашая,
 Совсем неволен я, пою совсем не я!

Поет во мне не гордость самомненья...
 Нет, плач души слагается в размер,
 Один из стонов общего томленья
 И безнадежности всех чаяний, всех вер!

Вот оттого-то кто-нибудь и где-то
 Во мне отзвучия своей тоске найдет;
 Быть может, мной яснее будет спето,
 Но он, по-своему, со мной одно поет.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Мой старый клен с могучею листвою,
 Еще ты густ, и зелен, и тенист.
 А между тем чуть видной желтизною
 Уже слегка озолочен твой лист.

Еще и птиц напевы голосисты,

Ты ими полн, как плеском бег реки;
Еще висят вдоль плеч твоих монисты –
Твоих семян созревших мотыльки.

В них бывший цвет – твои воспоминанья,
Остатки чувств, испытанных тобой;
Но ты сказал им только: «До свиданья!»
Ты будешь жить и будущей весной.

Глубокий сон зимы обледенелой
Додремлешь ты и, покидая сны,
Весь обновлен, листвою своей всецело
Отдашься ласкам будущей весны.

Для нас – не то. Хотя живут стремленья,
И в сердце песнь, и грез душа полна,
Но, старый друг, нет людям обновленья,
И жизнь идет, как нить с веретена.

СТОРОНА 1(3)

МУЗЫКАНТЫ

Пред великою толпою
Музыканты исполняли
Что-то полное покоя,
Что-то близкое к печали;

Скромно плакали гобой
В излияньях пасторальных,
Кружевные лились звуки
В чудных фразах музыкальных...

Но толпа вокруг шумела:
Ей нужны иные трели!
Спой ей песню о безумье,
О поруганной постели;

Дай ей резких полутонов,
Тактом такт перешибая,
И она зарукопещет,
Ублажась и понимая...

ЦЫГАНКА

Потрясая бубенцами,
Позументами блестя,
Ты танцуешь перед нами,
Степи вольное дитя!

Грудь – подвижна, плечи – живы!
Взгляды жгучих, черных глаз –
Это дерзкие призывы
К страсти каждого из нас...

Но под пологом палатки,
В сокровенный час ночной,
Кто ж отважится на схватки
С непокорною тобой?

Знаю кто! Вот там в сторонке,
Руку сунув за кафтан,
Смотрит вслед красивой женке
Темно-бронзовый цыган.

Этот... Он отдернет полог
Мускулистою рукой...
Будет сон ваш тих и долог
Под палаткою родной...

Как смеешься ты над нами,
Степи вольное дитя,
Потрясая бубенцами,
Позументами блестя!

ШАРМАНЩИК

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилит,
Мучает, душит... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщик в окошко глядит!

Эту забытую песню когда-то
Слушал я иначе, слушал душой,
Слушал тайком... скрыл от друга, от брата!
Думал: не знает никто под луной...

Вдруг ты воспрянула, заговорила!
Полная неги, мечте говоришь.
Время ли, что ли, тебя изменило?
Нот не хватает – а все ты звучишь!

Значит, подслушали нас! Ударенья
Ясны и четки на тех же словах,
Что и тогда, в эту ночь увлеченья...
Память сбивается, на сердце страх!

Злая шарманка пилит и хохочет,
Песня безумною стала сама.
Мысль, погасая, проклятья бормочет...
Не замолчишь ты – сойду я с ума!

Слышу, что тянет меня на отмщенье...
Но ведь то время погасло давно,
Нет тех людей... нет ее!.. Наважденье!..
Глупый шарманщик все смотрит в окно!

ПЕСНИ БЕЗУМНЫЕ

«Пара гнедых» или «Ночи безумные» -
Яркие песни полночных часов, -
Песни такие ж, как мы, неразумные,
С трепетом, с дрожью больных голосов!..

Что-то в вас есть бесконечно хорошее...
В вас отлетевшее счастье поет...
Словно весна подойдет под порошею,
В сердце – истома, в душе – ледоход!

Тайные встречи и оргии шумные,
Грусть... неудача... пропавшие дни...
Любим мы, любим вас, песни безумные:
Ваши безумия нашим сродни!

БЕЗВРЕМЯ

В глухом безвременье печали
И в одиночестве немом
Не мы одни свой век кончали,
Объяты странным полусном.

На сердце – желчь, в уме – забота,
Почти во всем вразумлены;
Холодной осени дремота
Сменила веянья весны.

Кто нас любил – ушли в забвенье,
А люди чуждые растут,
И два соседних поколенья
Одно другое не поймут.

Мы ждем, молчим, но не тоскуем,
Мы знаем: нет для нас мечты...
Мы у прошедшего ворует
Его завядшие цветы.

Сплетаем их в венцы, в короны,
Порой смеемся на пирах...
Совсем, совсем Анакреоны,
Но только не в живых цветах.

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Когда свет месяца бесстрастно озаряет
Заснувший ночью мир и всё, что в нем живет,
Порою кажется, что свет тот проникает
К нам, в отошедший мир, как под могильный свод.

И мнится при луне, что мир наш – мир загробный,
Что где-то, до того, когда-то жили мы,
Что мы – не мы, послед других существ, подобный

Жильцам безвыходной, таинственной тюрьмы.

И мы снуем по ней какими-то тенями,
Чужды грядущему и прошлое забыв,
В дремоте тягостной, охваченные снами,
Не жизнь, но право жить как будто сохранив...

НЕ ПРОПАВШИЕ ДНИ

Где только есть земля, в которой нас зароят,
Где в небе облака свои узоры ткут,
В свой час цветет весна, зимою вьюги воют,
И отдых сладостный сменяет тяжкий труд.

Там есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье,
И если жизни строй и злобен и суров,
То все же можно жить, исполнить назначенье;
А где же нет земли, весны и облаков?

Но если к этому прибавить то, что было,
Мечты счастливые и встречи прежних лет,
Как друг за дружкою то шло, то проходило,
Такая-то жила, такой-то не был сед;

Как с однолетками мы время коротали,
Как жизни смысл и цель казались ясней, -
Вы вновь слагаетесь, разбитые скрижали
Полузабывшихся, но не пропавших дней.

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ЦВЕТЫ

Свежая пыль с цветов раскрытых,
Семья полуночных ветров
Несет в пылинках, тьмой повитых,
Рассаду будущих цветов!

В работе робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь сыплет всюду горстью полной
Свои живые семена!

Теряясь в каменных наростах
Гробниц, дряхлеющих в гербах,
Они плодятся на погостах
И у крестов, и на крестах.

Кругом цветы!.. Цветам нет счета!
И, мнится, сквозь движенья их
Стремятся к свету из-под гнета
Былые силы душ людских.

Они идут свои печали
На вешнем солнце осветить,
Мечтать, о чем не домечтали,

Любить, как думали любить...

ПРИЗВАНИЕ

Скажите дереву: ты перестань расти,
Не оживай к весне листьями молодыми,
Алмазами росы на солнце не блести
И птиц не осеняй с их песнями живыми;

Ты не пускай в земле питательных корней,
Их нежной белизне не спорить с вечной тьмою...
Взгляни на кладбище кругом гниющих пней,
На сушь валежника с умершею листвою.

Всё это, были дни, возрастало, как и ты,
Стремилось в пышный цвет и зрелый плод давало,
Ютило песни птиц, глядело на цветы,
И было счастливо, и счастье ожидало.

Умри! Не стоит жить! Подумай и завянь!
Но дерево растёт, призыванье совершая;
Зачем же людям, нам, дано нарушить грань
И жизнь свою прервать, цветенья не желая?

СОМНЕНИЕ

Я задумался и – одинок остался;
Полюбил я – жизнь великой степью стала;
Дружбу я узнал и – пламя степь спалило;
Плакал я и – василиски нарождались.

Стал молиться я – пошли по степи тени;
Стал надеяться и – свет небес погаснул;
Проклял я – застыло сердце в страхе;
Я заснул – но не нашел во сне покоя...

Усомнился я – заря зажглась на небе,
Звучный ключ пробился где-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая в цветах зазеленела...

ЧУДЕСНЫЙ СОН

Чудесный сон! Но сон ли это?
Так ясен он, так ощутим!
В мельканьи трепетного света
Он, как ваянье, недвижим!

Мне снилась юность золотая
И милой женщины черты
В расцвете радостного мая...
Скажи! Признайся! Это ты?

Но как мне жаль, что я старею,

Что только редко, иногда,
 Дерзаю бледную лилею
 Окрасить пурпуром стыда.

КЛЯТВА

«Ты поклянись, - она его просила, -
 И верен будь тому, что изречешь,
 Что этой песни – в ней большая сила –
 Ты никому, как мне, не запоешь.

Не запоешь, когда ко мне на смену
 Придет другая с новой красотой,
 И я утрачу прелести и цену
 Перед твоей окованной мечтой.

Другие песни пой, коль запоются.
 Кому, и где, и как – мне все равно.
 Но лишь бы этой песне вновь проснуться
 И повториться не было дано.

С меня писал ты, я тебя ласкала,
 Я, я низала нити чудных снов,
 Я с нею вместе чувством трепетала...
 Спускала с плеч последний свой покров.

Та песнь моя! вся, вся без исключенья...»
 Он клятву дал... и наконец запел,
 Когда в час смерти, в облике виденья
 Ее он вновь пришедшую узрел.

НЕТ СОМНЕНИЯ

Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед,
 И то, что сделано, то сделать было нужно.
 Шумит, работает, надеется народ;
 Их мелочь радует, им помнить недосужно...

И всё же холодно и пусто так кругом,
 И жизнь свершается каким-то смутным сном,
 И чуется сквозь шум великого движенья
 Какой-то мертвый гнет большого запустенья;

Пугает вечный шум безумной толчеи
 Успехов гибнущих, ненужных начинаний
 Людей, ошибшихся в избрании призваний,
 Существ, исчезнувших, как на реке струи...

Но не обманчиво ль то чувство запустенья?
 Быть может, устают, как люди, поколенья,
 И жизнь молчит тогда в каком-то забытии.

Она, родильница, встречает боль слезами
 И ловит бледными, холодными губами

Живого воздуха ленивые струи,
Чтобы, заслышав крик рожденного созданья,
Вздохнуть и позабыть все, все свои страданья!

БУДУЩИМ МОГИКАНАМ

Да, мы, смирясь, молчим... в конце концов – бесспорно!..
Юродствующий век проходит над землей;
Он развивает ум старательно, упорно
И надсмехается над чувством и душой.

Ну, что ж? Положим так, что вовсе не позорно
Молчать сознательно, но заодно с толпой;
В веселье чувственности сытой и шальной
Засмеивать печаль и шествовать покорно!

Толпа – всегда толпа! В толпе тебя не видно;
В могилу заодно сойти с ней не обидно;
Но каково-то тем, кому судьба – стареть,

И ждать, как подрастут иные поколенья
И окружают собой их, ждущих отпущенья,
Последних могикан, забывших умереть!

К БОГУ

О, не брани за то, что я бесцельно жил,
Ошибки юности не все за мною числи,
За то, что сердцем я мешать уму любил,
А сердцу жить мешал суровой правдой мысли.

За то, что сам я, сам нередко разрушал
Те очаги любви, что в холод согревали,
Что сфинксов правды я, безумец, вопрошал,
Считал ответами, когда они молчали.

За то, что я блуждал по храмам всех богов
И сам осмеивал былые поколенья,
Что, думав облегчить тяжелый гнет оков,
Я часто новые приковывал к ним звенья.

О, не брани за то, что поздно сознаю
Всю правду лживости былых очарований
И что на склоне дней спокойный я стою
На тихом кладбище надежд и начинаний.

И всё-таки я прав, тысячекратно прав!
Природа – за меня, она – мое прощенье;
Я лгал, как лжет она, и жизнь и смерть признав,
Бессильна примирить любовь и озлобленье.

Да, я глубоко прав, - так, как права волна,
И камень, и себя о камень разрушая:
Все – подневольные, все – в грезах полусна,

Судеб неведомых веленья совершая.

МОЛИТВА

Дай мне минувших годов увлечения,
Дай мне надежд зоревые огни,
Дай моей юности светлого гения,
Дай мне былые мятежные дни.

Дай мне опять ошибаться дорогами,
Видеть их страхи вдали пред собой,
Дай мне надежд невозможных чертогами
Скрашивать жизни обыденный строй;

Дай мне восторгов любви с их обманами,
Дай мне безумья желаний живых,
Дай мне погаснувших снов с их туманами,
Дум животворных и грез золотых;

Дай – и возьми всю уверенность знания,
Всю эту ношу убитых страстей,
Эту обдуманность слов и деяния
В мерном теченьи и знаньи людей.

Все ты возьми, в чем не знаю сомнения,
В правде моей – разуверь, обмани, -
Дай мне минувших годов увлечения,
Дай мне былые мятежные дни!..